11. ЦДНИСО. Ф. 8. ОП. 1. Д. 470. Л. 21.
12. ЦДНИСО. Ф. 8. ОП. 1. Д. 273. Л. 15.
13. ЦДНИСО. Ф. 8. ОП. 8. Д. 85. Л. 28.
14. ЦДНИСО. Ф. 6. ОП. 1. Д. 845. Л. 3.
15. ЦДНИСО. Ф. 3. ОП. 8. Д. 97. Л. 90.
16. ЦДНИСО. Ф. 3. ОП. 1. Д. 16. Л. 1
17. Красная Звезда. 1990. 9 мая.

Королев Н.С.

Образ власти в телеграммах с Урала в Петроград в марте 1917 г.

*Челябинский государственный институт культуры
(Россия, Челябинск)*

doi: 10.18411/lj-03-2020-81

idsp: ljjournal-03-2020-81

Аннотация

На основе привлечения разнообразного круга источников в данной статье рассматривается отношение рабочих Урала к новой власти после победы Февральской революции. Их анализ, и прежде всего телеграмм с уральских заводов в Петроград, позволил прийти к выводу о ее огромной поддержке со стороны рабочих, их надеждах на быстрое и кардинальное улучшение своей жизни и ситуации в стране в целом. При этом дальние контуры этого будущего размыты и неконкретны и практически все сводится к повышению качества жизни и отстранению местной власти и заводской администрации.

Ключевые слова: рабочие, власть, горнозаводской Урал, телеграммы, Февральская революция

Abstract

Based on the involvement of a diverse range of sources, this article examines the attitude of the Ural workers to the new government after the victory of the February revolution. Their analysis, and above all the telegrams from the Ural factories to Petrograd, led to the conclusion that the workers supported her immensely, and that they hoped for a rapid and radical improvement in their lives and the situation in the country as a whole. At the same time, the distant contours of this future are blurred and vague, and almost everything is reduced to improving the quality of life and removing the local government and factory administration.

Keywords: workers, power, mining Ural, telegrams, February revolution

Психологическая атмосфера «медового» месяца революции, отразившая вековую мечту о социальной справедливости и веру в светлое будущее обновленной России, актуализировала возрождение иллюзий в отношении к новой верховной власти, отражавших особенности политической психологии рабочих края, «запрограммированность» их политической рефлексии в рамках исторически сложившегося социокультурного хода. Их наиболее массовым проявлением стал резко возросший поток писем и «ходелок» в Петроград. В своем письме А.Ф. Керенскому рабочие Сысертского горного округа, в частности, просили его принять меры для улучшения качества жизни и «устранения нашей подлой администрации», а газета «Пермская жизнь», отмечая возросшие надежды на центральную власть, писала: «В Петроград ежедневно приезжает масса делегатов из провинции, чтобы через центральные учреждения ликвидировать местные конфликты. Посылка ходелок приняла такие размеры, что Петроградская рабочая организация обратилась к профсоюзам с просьбой разобраться на местах. Причем, часто делегаты приезжают налегке, без заранее приготовленных данных, думая, что одного факта их приезда достаточно для разрешения местного конфликта».

Массовую поддержку новой власти и готовность ей помочь отразили и мартовские телеграммы в Петроград с уральских заводов. Об этом свидетельствует значительное преобладание подобных высказываний (108) над остальными категориями: критическая оценка старой власти – 32, приветствия новой власти – 81, оценка новой власти – 79, ожидания от нее – 80, отношение к войне – 61, отношение к новой власти – 67. Реально эта разница еще более значительна, поскольку отношение к новой власти помимо выражения солидарности с ней, и за исключением 9 случаев условной поддержки определялось такими векторами, как вера, преданность, надежда, готовность к подчинению (25). Эта разительная перемена в отношении к власти не случайна и отражает на уровне иллюзий такую черту «властного стереотипа», как жажда «своей» власти, которой можно доверять и с «удовольствием» подчиняться. Это наблюдение подтверждает и преобладание среди оценок новой власти ее определения как народной, и даже наличие настроений условной поддержки, поскольку таким условием выдвигалось ее единство с народом.

Подавляющее большинство посланий с мест (67) было адресовано к «старым» органам власти (Дума) и политическим лидерам (Родзянко). Новые органы власти (Петроградский Совет и Временное правительство) упоминались только в 4-х телеграммах, к смешанным обращались 11 раз. И если данный расклад психологически может быть объяснен заметной ролью Думы в политическом спектре России и ее оппозиционностью по отношению к исполнительной власти в 1906-1907 и в 1915-1916 гг., в отличие от новых органов власти, еще не успевших зарекомендовать себя (народ по старинке, по привычке обращался к Думе и ее лидерам), то другой, более объективный критерий «с кем ассоциируется новая власть» картины существенно не меняет: в 43 телеграммах это Дума, в 10 – смешанные органы, только в 11 – новые. Это свидетельствует о возрождении думских «иллюзий» 1906 г. и о том, что разочарование в ней после разгона I Думы свидетельствует скорее не о разочаровании в ней как в представительном органе, а о ее неспособности к реальным политическим шагам в рамках существующей системы.

Наряду с устойчивым негативным образом строй власти в условиях массовых социальных ожиданий весны 1917 г. анализ мартовских телеграмм позволяет очертить образ идеальной власти, который конструируется из следующих черт. Новая власть характеризуется как победитель старой (11), народная власть (20), правительство будущего (13), патриотическое правительство (13), «просто» новая власть (22). Отношение к новому правительству отражает бессознательное возрождение архетипа «верхней», далекой и одновременно близкой к рабочим власти, и представлено следующими оттенками: вера, доверие, преданность – 9; надежда – 2; солидарность, согласие, поддержка – 33; благодарность, признательность, преклонение – 6; подчинение распоряжениями – 8. От нее ожидают общих перемен (светлое будущее, новые начала государственной жизни, путь свободы и славы, путь славы и величия, победа и развитие России и т.д. (42), программы действий (7), созыва Учредительного собрания (7), установления Демократической республики (3), освобождения из тюрем (4), установления порядка (4), неприкосновенности личности (1), победы над внешним врагом (13).

Приведенный образ базируется на реальных психологических переменных и отражает следующие компоненты политической психологии рабочих Урала. Прежде всего бросается в глаза отсутствие отчетливых представлений о новой власти и утопизм мышления, выраженный устремленностью в будущее (77) и минимальной ориентацией на необходимость практических действий (7). Мощно представлена такая психологическая черта, как симпатия и антипатия к власти, которую отражают большое количество приветствий в адрес новой власти (81) и критическая оценка старой власти (43). Определение новой власти как народной (20) отражает сформированную в веках потребность рабочих в «своей» власти, заботящейся о народе и в целом находится в рамках патерналистской составляющей их политической психологии.

В структуре патриотической компоненты образа идеальной власти наблюдается обусловленное условиями войны явное преобладание ее «внешней» стороны (победа над врагом и готовность работать на оборону - 63) над «внутренней» (благо и процветание России - 13), что отражает такую отмеченную многими исследователями ее особенность, как мобилизационный характер.

Психологический профиль реальной власти выглядит как негатив снимка идеальной власти и характеризуется такими чертами, как несправедливая, лживая, коррумпированная, безразличная к своему народу, эгоцентричная, заботящаяся только о себе, корпоративная.

Хотя оценки новой власти свидетельствуют и об определенной осторожности, выжидательности рабочих, они не «смазывают» общую эйфористическую тональность этих документов, отражающих огромный эмоциональный подъем рабочих и ярко выраженный утопизм их мышления (в 53% телеграмм ожидания от нового правительства выражались надеждой на светлое и великое будущее).

В целом, отношение рабочих Урала к власти определялось как воздействием традиционных политических представлений, так и влиянием социально-психологического механизма проекции.

В рамках первых определяющее влияние на политическую рефлексию рабочих оказывал присущий традиционной культуре «менталитет подчинения» (Томпсон), в соответствии с которым рабочий желал освободиться от непосредственных ежедневных унижений и был готов к действиям, но «дальние контуры власти» и его собственное положение в этой жизни представлялись ему столь же незыблемым, как земля и небо. Структура власти и даже формы эксплуатации казались ему естественными, что не исключало, конечно, скрытого недовольства.

Понятие проекции, введенное З. Фрейдом, определяется как механизм психологической защиты, заключающийся в неосознанном наделении другого человека или социального института желательными свойствами (высшая власть) в условиях постоянных обид и «несправедливостей» по отношению к рабочим со стороны «ближней» администрации.

Помимо прямых документальных свидетельств о задачах и ожидаемой политике новой власти можно судить опосредованно, путем анализа политического участия уральских рабочих весной 1917 г.

Его главной особенностью стал кратковременный характер их политической активности. Основными причинами этого стал разрыв между ожиданиями от новой власти и ее реальной политикой, с одной стороны, и особенностями политической психологии рабочих. По их мнению, своя власть должна была, прежде всего, заниматься решением их проблем, причем немедленно, в максимально сжатые сроки, в полном соответствии с установкой национального характера на получение всего и сразу. Иначе, даже сформированная самими массами, она становилась чужой, доверие к ней падало, что на поведенческом уровне выражалось в отходе масс от политики, уходе в личную жизнь, абсентизме, росте социальной апатии и девиантного поведения, падении трудовой дисциплины. А поскольку весна 1917 г. оказалась для уральских рабочих временем несбывшихся надежд, то уже к лету 1917 г. уральская пресса с тревогой писала о росте апатии и равнодушия в рабочих массах и радикализации их активного меньшинства.

1. Земцов Б.Н. Способность российской социальной системы к развитию (методология проблемы) // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. - С. 165-173.
2. Коробков Ю.Д. Социальный облик рабочих горнозаводского Урала в пореформенный период: особенности формирования и определения // Проблемы российской истории. М.-Магнитогорск. 2010. № 1 (10). - С. 5-16.
3. Коробков, Ю.Д. Ментальные основы российской государственности.// Россия в поисках национальной стратегии развития. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург. 2003. - С. 81-84

4. Коробков, Ю.Д. Трудовая этика уральских рабочих в конце - в начале XX века.//Индустриализация в СССР: уроки истории. Материалы международной научной конференции (к 70-летию пуска Челябинского тракторного завода). Челябинск. – 2003. – С. 114-117.
5. Пермская жизнь. 1917. 3 сентября.
6. РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1274. Л. 49-74; Д. 1261. Л. 133; Д. 1281. Л. 61-93; Д. 1251. Л. 21; Д. 1261. Л. 109-111; Д. 1348. Л. 53-54, 59-60; Д. 1357. Л. 2, 9, 25; Д. 1363. Л. 228; ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 454. Л. 1-3, 6, 10-11, 16-17, 22-24, 27-29, 33; Пермская жизнь. 1917. 14 марта.
7. РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1274. Л. 49-74; Д. 1261. Л. 133; Д. 1281. Л. 61-93; Д. 1251. Л. 21; Д. 1323. Л. 112; Д. 1253. Л. 95, 100, 102, 103, 105; Ф. 37. Оп. 58. Д. 779. Л. 1; Зауральский край. 1917. 17 марта.
8. Революционное движение в России после свержения самодержавия. М.: Наука, 1958. - 855 с.

Кяккинен Н.И.

«Справедливые начальники» на горнозаводском Урале в XIX- начале XX в.

*Магнитогорский государственный технический университет им Г.И. Носова
(Россия, Магнитогорск)*

doi: 10.18411/lj-03-2020-82

idsp: ljjournal-03-2020-82

Аннотация

На основе привлечения разнообразного круга источников в данной статье рассматривается отношение рабочих Урала к администрации своих заводов в XIX в. Их анализ позволил прийти к выводу о том, что главными факторами кооперативного взаимодействия рабочих с администрацией являлось гуманное отношение последней к своим работникам и личные качества ее представителей. Подтверждением этого является такая особенность горнозаводского фольклора как легенды о справедливых начальниках, которые отсутствовали в фольклоре других регионов.

Ключевые слова: рабочие, администрация, горнозаводской Урал, патернализм, межгрупповые отношения

Abstract

Based on the involvement of a diverse range of sources, this article examines the attitude of Ural workers to the administration of their factories in the XIX century. Their analysis led to the conclusion that the main factors of cooperative interaction between workers and the administration were the humane attitude of the latter to its employees and the personal qualities of its representatives. This is confirmed by such a feature of mining folklore as the legends about fair bosses, which were absent in the folklore of other regions.

Keywords: workers, administration, mining Ural, paternalism, intergroup relations

На характер взаимоотношений с заводской администрацией прежде всего влияла приверженность основной массы рабочих Урала сложившейся системе отношений и патерналистские установки массового сознания. «В глазах рабочих, - писал А. Уральский, - вся администрация, от мала до велика, являлась начальством, от которого они вполне зависели и в стенах завода и дома; владельцы заводов были барирами и «благодетелями». На многих предприятиях в пореформенный период ежегодно в день рождения собственника завода, по случаю его приезда или в честь какого-либо религиозного праздника устраивались обеды для всех рабочих, демонстрирующие «отеческую заботу» заводоуправленцев о своих рабочих и единство их интересов.

Действительно, по многочисленным сообщениям представителей власти в отношении рабочих к заводоуправлениям на рубеже XIX-XX вв. массового недовольства не возникало. В отчете за 1896 г. кунгурский уездный исправник указывал на почтительное и послушное отношение рабочих всех заводов к администрации. В докладной записке товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда по Верхотурскому участку в мае 1898 г. отмечалось отсутствие